

Василий Васильевич Розанов

ВЕКОВАЯ БЕЗДЕЙСТВЕННОСТЬ РУССКОЙ ПРОФЕССУРЫ

Вполне поразительно, каким образом Академия Наук, в своем коллективном «заявлении» о достаточно высоком состоянии в России науки, упустила из виду, что наши ученые не приняли никакого участия в создании целых огромных областей знания, притом самое *появление и рост которых было одновременно с существованием у нас уже всех восьми университетов*. Не диво, что мы отстали в физике, биологии, философии, жизни которых насчитываются тысячелетия. Но что наши университетские ученые «палец о палец не ударили» в реставрации культур Вавилона, Ниневии и Египта, которые открыты и описаны в XIX веке, — это свидетельствует именно о том потухшем любопытстве, которое является на конце «изболтанности» и «выговоренности», на конце вековой войны «Монтекки» и «Капулетти», каковую представляется столетие нашей «оппозиции правительству», где тусклую и нерешительную роль играли университеты, не «крася» ни одной стороны, ни другой стороны... «Нелюбопытство» может быть двояким: молодым и детским, или — старческим и изнеможенным. Нелюбопытство и нелюбознательность наших университетов — решительно изнеможенная. Усталая от «служебных мелочей» в себе, от какого-то уездного существования, — без широкого и жадного взора *в сторону, кругом и вдаль*.

Между тем «злое и бездарное наше правительство», вот которое «завело нас в Манчжурию и довело до Цусимы», как-никак все-таки основало *восемь* историко-филологических факультетов и два специальных заведения, относящихся до затронутой стороны вопроса, — Институт восточных языков в Петербурге и Лазаревский институт в Москве.

И — ничего!

Не спорю, что-нибудь они, должно быть, и писали. Наверное, писали. Издавали «Труды»... Но из читателей моих никто же не вспомнит и не назовет сразу голову, которая осветила бы Восток и страны «восточных языков» таким светом, таким знанием *и пронизательностью*, что имя этой головы повторялось бы на перекрестках улиц, оно было бы известно всякому образованному человеку *и называлось бы сразу*. Имя Вильгельма Гумбольдта сразу назовешь; имя братьев Гриммов — тоже назовешь; как знают «на перекрестках улиц» наших Буслаева и Даля. Вообще, тут вовсе не требуется специальность знаний; требуется скорее — именно *не специальность*. Ведь мы говорим о «науке в России», а не о том, что есть в своем роде «почтенные диссертации» по разным наукам. Мы спорим о том, «нужно ли посылать русских за границу учиться»: что же юный магистрант узнает, приехав в Петербург «доучиваться» у какого-нибудь сиолога (китайский язык) или санскритолога? Тот ему покажет «Китайский словарь», доведенный им до третьей буквы алфавита, или что-нибудь «О заклинании духов в Пенджабе» — предметы своих двух диссертаций и своего «копательства». Произнеся последнее слово, мы почти натолкнулись на «русский метод»...

Наши равнины — тихие, и наши реки — бесшумные. Водопадов нет.

Течет себе речка и течет; «склон равнины» Бог устроил — вот она и «течет». Так «тихо текут» и наши ученые. Они «копаются», так как решительно же невозможно, *между прочим и физически невозможно*, всю жизнь ничего не делать; и, проведя 30-40 лет «ответственной жизни» среди гор книг, не реагировать ничем на «окружающий материал». Хотя совершенно поразительно, что есть и такие ученые профессора, из-под пера которых совершенно не вышло ни одной печатной строчки (Гав. Аф. Иванов, латинист и даже одно время «исправляющий обязанности ректора» Московского университета) или которые, написав обязательную по уставу магистерскую и докторскую диссертации, затем на всю жизнь умолкли, диссертацию же съели мыши, потому что людям она совершенно не нужна. Последние *viri illustri simi ac doctissimi** уже исчисляются не десятками, а сотнями в наших университетах.

У нас есть или, вернее, иногда встречается изумительная способность усвоения, — попадается какая-нибудь «техническая кнопка» в голове, подобная тем, какая есть же у волшебных «счетчиков», дающих публичные представления своей «способности считать», умножать пятизначные числа на пятизначные почти *моментально*, почти — *отгадывая, но — наверняка*. Такие «изумительные счетчики», конечно, не суть, *математики*. У наших «копунов» есть не эта, но *подобная способность* вдруг в три недели «овладеть санскритом» или удерживать в памяти решительно все, что ни прочтет, что ни услышит, что ни узнает. Но эта изумительная восприимчивость почти всегда эквивалентна глубокой *мертвенности* созидающих способностей, инициативы, «новой и своей задумчивости». Кто его знает, может быть, Хлестаков мог бы быть «виртуозом-счетчиком», а Ноздрев даже наверно обладал каким-нибудь «талантом». Но они жили в неучебное время; родясь полустолетием позже, — и очень может быть, что они обнаружили бы необыкновенную способность к какой-нибудь головомной науке, которую иной и серьезный человек всю жизнь не осилит. Под человеческим черепом скрываются удивительные «фокусы знаний», причем страшное развитие этого исключительного «фокуса» иногда совмещается с полной тусклостью всей остальной головы. Из него может выйти изумительный «специалист» и в то же время совершенно посредственный ум, — чтобы не сказать скромнее. Я говорю о вещи довольно-таки общеизвестной, удивлявшей людей, которые «привыкли толкаться в ученой среде». Вот такие специалисты-виртуозы едва ли не образуют большинство нашей профессуры: и так понятно, что «науки» пока нет в нашей земле, нет ее как *идеи*, как великого *воодушевленного любопытства!*

В 1882 году, окончив Московский университет и обернувшись мыслью вспять, я был поражен: что же я собственно узнал? и чему собственно учил и *стремился* учить университет, как «universitas scientiarum», т. е. «всеобщность, обобщенность, универсальность знаний»? Да *ничего подобного*, соответственного имени! У всех, безусловно у всех профессоров, в том числе и «светил» (были), — однако отсутствовала вовсе идея *знания*, идея *науки в целом...* А профессор философии, у которого должны же были бы как-нибудь связываться в голове «все науки», просто читал нам логику — по Миллю, психологию — по Бэну и

* знаменитые ученые мужи (*лат.*).

историю всех философских систем по шаблону. Все-таки к философам именно — я почему-то питал особенное благоговение: «Прочие — в сюртуках, а этот — в хламиде». Вдруг, по какому-то торжественному случаю, я увидел нашего Матвея Михайловича, до того расшитого в золото (позументы парадного мундира) и со столькими орденами на груди... что мой туман спал. «Ах, вот отчего... университет не дает никакой *идеи о науке*: все они занимают должность V класса, дослуживаются, к 40-летию службы, до тайного советника и мирно прилагаются «к отцам» на Дорогомиловском или Ваганьковском кладбище».

И больше ничего; т. е. в душе, в человеческом духе. И всю жизнь работала только «тайная кнопка», неизвестный «фокус» в мозгу, давший и «санскрит», и «дифференциалы» в руку.

Совершенно ясно, что у человека с этим «фокусом» воспринимающих способностей нельзя ничему выучиться, нельзя выучиться *существо* науки, «мудрости науки», которая есть; и она есть независимо от этих «фокусов», а как результат громадной работы громадного и личного и собирательного ума, с *всеосвещающею* в себе силою. Вот пример: в восьми университетах и в четырех духовных академиях сколько людей преподавали *богословие*; но освещающий луч на него был брошен только *Хомяковым*, который даже не был профессором. Когда я говорю о «идее науки» и о мудрости в науке», — я и разумею подобные явления. Можно читать всю жизнь лекции по богословию и *знать и помнить все крупное и мелкое* в этой области: и не иметь ни одной *новой и собственной* мысли о богословии, о предмете 30-летнего «чтения». Что касается «философии в университете», то как и повелось, уже как закон и норма, из которой «совестно выходить»: что профессор всех философов знает, но *ему самому иметь хотя бы од философскую мысль* — даже неловко. «Мы не Кифы Мокиевичи и глупостями не занимаемся», — покраснел бы наставник, тридцать лет читающий философах» довольно несчастным русским студентам*. Наука для таких людей с «кнопкой» или «фокусом» в голове представляется какою-то каменной твердыней, каким-то скелетом «законченного человека», к которому что же прибавить или что же убавить? «Кончено», «осуществлено»: и они перебирают и охраняют «архив науки», как директор музея восковых фигур бережет и пересматривает эти фигуры.

Точная копия. Я говорю не сравнениями: я выговариваю точное существо «русского дела».

Этот весною я был на диспуте профессора Варшавского университета, г. Шестакова. Диссертация была посвящена преданиям и сказаниям, возникшим на пограничной линии соприкосновения умиравшего или истреблявшегося языческого — с христианским миром, который недавно зарождался. Оказывается, есть «знаменитая книга» на эту тему германского ученого (имя забыл). Вдруг диспутанты, и в том числе (если правильно помню) «светило», проф. Зелинский, выразили полунедовольствие, полуизумление, что в таких-то частностях и новых задачах своей работы проф. Шестаков вышел из рамок этой «знаменитой книги». Я не могу забыть и лукавой и удивленной улыбки молодого ученого, с какою он ответил петербургским профессорам: «У (такого-то) ученого этого нет: но ведь *мог же я*

* Только последние лет 15 изменилось это странное воззрение на себя и свою задачу русских университетских философов (гг. Лопатин, Введенский, Лосский).

и сам поставить себе такую-то (правильную в научном смысле и этого диспутанты не отрицали) цель».

Просто я был поражен: вот до чего дело дошло в «самостоятельной русской науке» (мнение Академии Наук): нельзя, неловко что-нибудь *самому* сказать, попытаться сказать. «Списывай extempore — и шабаш», как говорят бездарнейшие из гимназистов на уроке.

А знаний — бездна. «Все языки» знают, и «все книги» прочли. Тут именно ряды «кнопок» и никакой идеи науки.

Оставим. Это общеизвестно. «Гадкое правительство» тоже собрало изумительную коллекцию этрусских ваз в Эрмитаже: но снимки ваз вообще я студентом университета рассматривал с восторгом в «Histoire des Romains» Дю-Рюи и чуть было за эти вазы не выписал книги, стоящей около ста рублей (нечем было бы платить за «дальнейшие выпуски»): но никогда в русской книге*, ни в одной, я не видал изображения этрусской вазы. Эрмитажное собрание ваз — не издано, как и эрмитажные монеты.

Да до чего не дотронься, зрелище все одно: «правительство», которое нужно «ниспровергнуть», собрало груды памятников, груды научных сокровищ: а профессора, которые желали бы «ниспровергнуть», ни единым лучом света не осветили этих сокровищ.

Вот и все. Оставим это дело. Оно общеизвестно. Только еще укажу:

1) В русской «самостоятельной науке» нет ни одного изложения римской истории. Попытался Модестов: но не довел до Ромула и Рема книгу, Бог весть почему озаглавленную «Римская история». Погрузился в «бронзовый век» (Италии) — и даже до «Рима» не довел. Поразительно, что русские ученые не умеют даже дать правильного заглавия труду; и совершенно не умеют, как я ранее выразился, «гармонизовать книгу». «Начал», а там «что-нибудь» выйдет. Именно работающая «кнопка», без всякого «смысла».

2) Изложения греческой истории ни одной.

3) Даже любимой «французской революции» — ни одного изложения.

4) Истории папства — нет.

5) Истории реформации — нет.

Просто черт знает что: ничего нет. Ничего осмысленного, разумного! Вот уж истинно «темное царство», как писал Добролюбов; и никакого «луча в темном царстве», — как писал он же. Он писал это по поводу замоскворецких купцов Островского и по поводу Катерины в «Грозе». Но «гроз» в нашей профессорской среде не разыгрывалось, «Катерина» там не говорила своих протестующих речей: и вся эта среда профессуры — тоже «замоскворецкое царство», только с претензиями и бахвальством.

* * *

Тут мы и подходим к разгадке удивительного явления: бессилия университета над студенчеством. Просто — не может овладеть. Да почему «не может»? Решительно каждый талант овладевает меньшим талантом: это *закон его*; и всякий ум овладевает меньшим умом: и это тоже его *закон*. Не Вагнер владеет Фаустом, Фауст — Вагнером. Вагнеры, вообще меньшие умы, меньшие таланты, могут уклониться от

* Только недавно, года четыре назад, появились снимки с некоторых античных ваз, — конечно, *не с русских* (Эрмитаж), — в труде проф. Фармаковского.

общения с талантом, с умом; Пушкина может публика не читать; но, раз *соприкосновение произошло, общение совершилось*, закон овладения сильнейшим слабейшего неизбежен. А студенты *учат лекции профессоров* (к экзамену), даже когда их лично и не слушают в году. Значит, *соприкосновение* в данном случае есть, *было*.

Но «ряды кнопок», с виртуозными сведениями, еще не образуют *ума*.. А «овладевать»-то может именно ум, мысль. Овладевать может талант, который чарует... Перед талантом и мыслью «руки опускаются»... Ну, что поделаешь, когда «Мазини так поет»... Слушай и не рассуждай. Стрепетова играет: молчи и не ворчи. Отчего же в университетах все «ворчат»? Профессор читает, а они постукивают ногами. Конечно, — свинство вообще: однако же и в свинстве есть разум (Гегель). Нет Стрепетовой. Нет Мазини. Есть вообще «кнопки», как я объяснил: есть изумительное «помножение пятизначных чисел на пятизначные» в один момент, которое... посмотришь раз, посмотришь два — да и соскучишься.

Скучная газета — не читают.

Неинтересная книга — и залеживается в магазинах.

Что, господа, делать с этим убийственным *и всеобщим* фактом, что походив в аудитории в сентябре и октябре — студенты с ноября месяца заваливаются в «зачные места» и возвращаются в аудитории в конце марта, чтобы «приучить к своему лицу глаз профессора» (иначе на экзамене злобленное «3» или «2»).

Вот Академия Наук как-нибудь это бы дело поправила, вместо изложения своих «сентенций»...

* * *

Посмотрим инквизиторски дальше: ну, а на *кого* вообще университет влияет? Студенты, пусть «отъявленные»: но не «погибшая же страна» вообще Россия? Но вот, представьте, на Россию вообще, в ее историческом развитии и созидании, университеты русские не влияли никак и не влияют теперь, *если только не идут в хвосте за кем-нибудь*, и тогда сподобливаются прославления» вообще «следующих», помогающих, хлопающих...

«Стрепетова играла... Замирал театр... Но *особенно замирала одна скамейка наверху... в райке*».

Вот эту роль культурного «райка» играют профессора в своих «замираниях».

Отмена смертной казни: «*и мы тоже*»...

Забастовка... «*И мы тоже*»...

Все — «*мы тоже*». А вот чтобы *первыми* закричать, вырваться в *инициативу*, сказать могучее «credo» и «volo» именем именно талантливой и благодетельной в стране науки — на это у «кнопок» толку не хватает. И решимости тоже не хватает.

Стрепетовой нет.

Мазини нет.

Никогда они не «играют на сцене», — никогда за весь век существования; а только «смотрят из райка» или из «первого ряда кресел» и тогда медлительно тыкают пальцем правой руки в ладонь левой («заявление» Академии Наук). Но всегда — зрители; и никогда — активной роли.

Студенчество же, хотя оно и «загулящее», а в деле забастовок (по моему личному и определенному мнению) — забылось и ведет себя бессовестно в отношении *целой России*, тем не менее, конечно, уровнем своим талантливее, энергичнее и даже (в единичных попадающихся головах) умнее профессуры: и просто потому, что его *сумма* — это вся «завтрашняя Россия», в которой будут работать *бесспорно* не одни «кнопки». Секрет студенчества вовсе не разгадан, ни секрет его смелых движений: конечно, — тут «толпа», и толпа решительно всегда бездарна («мир — дурак» — народная поговорка), но *не одна толпа*, тогда как в профессуре, по существу «кнопок» — почти одна толпа». Но в студенчестве скрывается гораздо больше *единичных талантов*, нежели сколько их есть в профессуре. Профессура же с ними не завязала сношений, и просто потому, что их не понимает и даже не видит, не различает в «толпе». Профессура понимает исключительно «толпу» (студенчества) и тащится вслед за «толпою». Но студенчество даже как *толпа* знает, физически ощущает (от близости) эти таланты в себе, эту энергию в себе, эту инициативу в себе: и «орет» с самосознанием *и их в среде своей*, хотя бы с ними и не сливалась и их до тонкости не понимала.

Вот отношение, которое и решило участь университетов.

Это — отношение 140 «кнопок» и 10 талантов невысокого уровня к 5000 голов, из которых 4000 — обыкновенные тусклые умы, даже без «кнопок», но остальная 1000 разделяется на 800 «кнопок» и полуталантов, в уровень с профессурою, а человек 200 решительно превосходят профессуру — скажем вообще и неопределенно — «личною интересностью», «личною занимательностью», каким-то «особенным светом в глазах и силою в тоне». «Что-то такое», что ближе к Мазини и Стрепетовой.

Будь это «что-то такое» в профессуре — она бы победила.

Но это «что-то такое», наоборот, содержится в студенчестве: и победило оно.

Судьба и закон.

Из студенчества выйдет вся завтрашняя литература, вся завтрашняя техника, вся завтрашняя администрация государства, вся его адвокатура, врачи, инженеры, может быть, агитаторы, может быть, политические бойцы. Все, все это уже содержится в «теперешнем студенчестве», — я думаю, в молчаливых, нерассмотренных уголках его, не «орущих». Но велика стихия истории: студенчество «орет», оно чувствует и даже твердо знает, что и эти «брильянты» запропастились в нем, и оно «кричит» массою, как *горная порода*, в которой содержатся глина, кварц и *изумруды*. И отступает перед ними, и никнет перед ними раек... и партер... чиновных и полусановных лиц, уже все в возрасте немалом, обремененных семьями, подаграми и которым вообще «осталось недолго дослужить».

Так «молодое вино», — удачного или неудачного виноградного сбора, вытесняет «старый квас», застоявшийся на дне бочек.